

[Перейти к титульному экрану](#)

УДК 159.98

М. Р. Арпентьева

*старший научный сотрудник кафедры психологии развития
и образования, руководитель лаборатории
психолого-педагогического сопровождения семьи
и детства Центра социально-гуманитарных исследований,
Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского,
доктор психологических наук, доцент (Россия)*

БЕСПРИЗОРНИКИ ИНФОКОММУНИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Вводится новое понятие «цифровые беспризорники». Это понятие необходимо, чтобы объяснить происходящие сейчас в сообществе деформации отношений людей, культуры в целом. Многие взрослые и дети демонстрируют типичные черты жизни и личности обычных беспризорников, начиная с аномии и отчуждения и заканчивая изоляцией и десоциализацией, задержкой развития и деструкцией личности и ее структур. Побег в цифровой мир есть перемещение в специфическую «цифровую» культурную среду. Однако поскольку Интернет и другие медиасреды скорее дезорганизованы, чем организованы, то и развитие человека в этой культуре приобретает характер дезорганизованного, развивая состояние ненужности и маргинальности.

Homeless in the infocommunication culture

The author discuss new notion of the digital homeless. This concept is necessary to explain what is happening now in the community strain relations of people of culture in general. Many adults and children show the typical features of the life and personality of the usual homeless, since anomie and alienation and ending with isolation and desocialization, developmental delay and destruction of the personality and its structures. Escape to the digital world is moving in a specific digital cultural environment. However, since the Internet and other media environment is disorganized rather than organized, and human development in this culture takes on the character of disorder, developing a state of irrelevance and marginality.

Культура является феноменом эмерджентным: если люди, живущие в этой культуре, деградируют, то, сколь бы ни были великими прежние достижения исходной культуры, они перестают существовать, как только человек теряет способность понимать себя и мир «прежним» способом, в том числе целостно, а не «лоскутно», как это происходит сейчас. Это — инфляция идентичности, фальсификация мышления и «нехватка нехватки» [1, с. 10–11]. Сбываются прогнозы исследователей о том, что «как только мы начнем полагаться

на компьютеры в познании окружающего нас мира, наш собственный интеллект упростится до уровня искусственного» [2]. Поэтому каждый день, проведенный без цифровых средств — день отсрочки радикальной «дисгеники» (*dysgenics, genetic deterioration*), деградации [3, с. 215; 4]. Дисгеника — термин, введенный в разное время разными учеными: К. Салеби, Д. Джордана и У. Шокли, — это противоположность евгеники — ухудшение здоровья и благосостояния популяции методами, допускающими накопление опасных аллелей на генетическом уровне и девиаций на психологическом и социальном уровнях. Уильям Б. Шокли определил дисгенику как инволюцию или эволюцию, идущую в обратном направлении посредством диспропорционального воспроизводства генетически неполноценных, призывая предотвратить «ретрогрессивную эволюцию», вызываемую «дисгенным поведением». Дисгеника — это изучение причин возникновения генетического вырождения, или дисгенезиса. В ситуации дисгеники основной проблемой является прогнозирование отсроченных эффектов той или иной деятельности или формы взаимоотношений людей. Прилагательное «дисгеничный» (или «дисгенический») означает «способствующий или ведущий к вырождению, к ухудшению наших психофизических, социальных и иных характеристик». «Евгеничный» (или «евгенический»), согласно Ф. Гальтону, означает «способствующий улучшению человеческой породы, то есть психических и физических черт человека, его социальных и нравственных характеристик». Г. Спенсер ввел понятие «выживание наиболее приспособленных», разделяя опасения Ч. Дарвина о вымирании человечества. Он был против социального обеспечения, «компенсаторного обучения» малоимущих и представителей меньшинств, мигрантов и т. д., а также иных видов поддержки «слабых», утверждая, что, «способствуя размножению худших, мы сознательно порождаем полчища врагов для своих потомков» [5, с. 356]: неуместная помощь выводит из строя силы эволюции. «Бедность бездарных, несчастья, обрушивающиеся на неблагоразумных, голод, изнуряющий бездельников, и то, что сильные оттесняют слабых, оставляя многих «на мели и в нищете» — все это воля мудрого и всеблагого провидения» [5, с. 354]. Процесс отбора, по словам Г. Спенсера, «неизбежно осуществляется, страдания неизбежно продолжаются. Никакая сила на земле, никакие хитроумные законы, придуманные государственными деятелями, никакие проекты по усовершенствованию мира, никакие коммунистические панацеи, никакие реформы, которые когда-либо предлагались или будут предлагаться, не могут уменьшить их ни на йоту» [5, с. 355–356]. Однако Ч. Дарвин отмечал как фактор выживания взаимопомощь животных (и людей), которую Г. Спенсер игнорировал. А. Дженсен, проповедующий теорию генетической неполноценности, а за ним Дж. Коулмен, Д. Мойнихен, К. Дженкс, Б. Ф. Скиннер, У. Мак-Даугалл и даже К. Г. Юнг пы-

тались связать унижающую людей разного пола, возраста и национальности теорию «неполноценности» части населения с теориями психологии и психодиагностики. Р. Линн обратился к психогенетике, социологии и медицине. Р. Линн ввел понятие «дисгеничная рождаемость»: уровень рождаемости у неприспособленных превысил уровень рождаемости у приспособленных. Однако это понятие столкнулось с эффектом Р. Линна — Дж. Флинта: ростом психологических и иных показателей человечества в целом. Парадокс объяснили тем, что генетически человечество вырождается, его показатели во всех сферах снижаются, а фенотипически за счет комфортных условий жизни и неограниченного размножения — повышаются. Поэтому прирост, согласно эффекту Р. Линна — Дж. Флинта, носит временный характер. При этом психопатии и криминальные наклонности и их противоположности — сознательность и добропорядочность, например, в большей мере (около 70 %) связаны с генами. Таким образом, способность самоуправления, в том числе трудовое усердие и совестливость как нравственная устойчивость (моральное чувство, чувство долга) снижаются, так же как и постоянно снижаются психические и физические показатели человечества [4]. Однако вопрос не в отказе от технологий, якобы ведущих к дисгении, не в «неполноценности» части населения, а в том, что человечеству нужна культура инноваций, культура воспитания и обучения населения в условиях «цифрового мира» и иных технологий.

Цель работы — теоретическое обоснование понятия «цифровая беспризорность» и осмысление проблем «цифровой беспризорности» в рамках понятия инфокоммуникационной (цифровой) культуры.

Результаты исследований. Многие современные люди ведут себя так, как вели себя лишенные попечения, дома, семьи, работы и, соответственно, культуры, связанного с нею воспитания и обучения, беспризорники, с единственным отличием, заключающемся в том, что без присмотра они оказываются не на улице, а за компьютером, гаджетом и т. д. Это дает возможность назвать их цифровыми или информационными беспризорниками, а ту культуру, которую они представляют, — инфокоммуникационной (цифровой). Эта культура отличается от аналоговой, традиционной культуры, в которой есть центр и периферия, есть запреты и предписания, нравственные ориентиры и система опирающихся на них норм поведения и общения. В инфокоммуникационной (цифровой), нетрадиционной культуре все эти признаки культуры как таковой подвергаются трансформации, в результате которой встает вопрос: культура ли это? И если это культура, то как формируется и развивается человек и общество в этой культуре? Нравственные и идеологические, стратификационные и правовые дилеммы, возникающие в сфере цифровых технологий и их использования, а также иных технологий конца XX — начала XXI веков и их использова-

ния, говорят о том, что традиционная культура неминуемо изменилась, а культура цифровая еще не сформировалась. В результате огромная масса людей, не способных регулировать свои отношения с миром людей и технологий, с культурой и ее атрибутами самостоятельно, оказались в ситуации лоскутного, маргинального, отчужденного и «покинутого», эксклюзивного отношения с миром. Возникло состояние а-культуры, бескультуры, на фоне которого прогрессирующими темпами растет взрослая и детская цифровая беспризорность. В аналоговом мире существовала лишь детская беспризорность (*street children, homelessness, gamines*) — явление полного отстранения несовершеннолетнего («уличный ребенок», «ребенок в ситуации улицы», *street kids, street youth*) от семьи, сопряженная с утратой места жительства и занятий [6; 7]. Она рассматривается как критический тип безнадзорности — ослабления или отсутствия опеки / попечения от родителей или попечителей [3; 8]. Данный феномен угрожает гармоничному и своевременному формированию и развитию личности человека и способствует развитию социально-негативных навыков [17; 18]. Дети бездомные, не имеющие связи с семьей, растут в особенно неблагоприятных для их развития и социализации условиях. Безнадзорные и беспризорные дети находятся в нравственно, психологически и физически невыносимой, опасной для их здоровья и жизни обстановке, которая не соответствует элементарным требованиям, подходящим для их содержания и развития, воспитания и обучения. Беспризорность в ее традиционном смысле фиксируется при наличии ряда условий: прекращение любой связи с семьей, родителями, родственниками; проживание в местах, не предназначенных для жилья человека; добывание средств к жизни способами, запрещаемыми и стигматизируемыми в обществе (попрошайничество, воровство и пр.); подчинение «неписаным» законам криминального мира, субкультуры проживания, продиктованным тем или иным авторитетным лицом (вожаком, руководителем и т. д.). П. И. Люблинский писал по поводу беспризорности так: «Будучи подобной длительному недугу, проходит через несколько стадий или фаз своего развития. Начальную фазу этой социальной болезни составляет безнадзорность, а окончательной стадией, находящейся на грани необратимости, становится беспризорность как таковая, определяющая положение самого несовершеннолетнего, его своеобразный социальный статус, который он обретает по собственному желанию или в силу стечения каких-либо обстоятельств» [2, с. 42]. Кроме того, существовало представление о девиантном, отклоняющемся поведении взрослых: к ним приписывались оставшиеся одиночками — бессемейными, бездомными, безработными — и / или совершившие преступление люди. Постепенно рост отчужденности в отношениях людей нормировал не только бессемейность и безработность, но и бомжевание — кочевничество, а также преступность как неминуемое

следствие попыток «бескультурных», «десоциализированных» людей переопределить сложившуюся систему отношений и разрушить культуру. Однако существующая на данный момент культура лишь формально «культурна»: отчуждение от нравственности, приоритет прав и игнорирование обязательств, привели к распаду семейных, трудовых и иных отношений. Человек и общество начали стремительное падение, деградацию к потребляющему механизму. «Цифровая культура» стала лишь следствием и показателем разрушенности традиционной культуры: того, что двигаясь в сторону пересмотра старых норм и ценностей, предписаний и ограничений, люди и сообщества так и не достигли новых. Они остановились на полпути, разочаровавшись в себе и мире. В поиске новых предметов очарования и затянувшемся путешествии к самим себе, к новой культуре, они «зацепились» за технологии и технологический прогресс. Поругание того, кто «поругаем не бывает», отказ от Бога превратили человека и общество в игрушку, в скопище нравственных, и физических самоубийц и пожирающих друг друга и культуру каннибалов. Очарование технологиями и коммодификация отношений в обществе реального или симулируемого «всеобщего потребления» вылились в представление о культуре как о ненужном, «затратном» механизме подавления животной природы, ее инстинктов и связанных с ними желаний. Неспособность к добровольному самоограничению и самонаправлению, реализации культурных предписаний и ограничений как факторов осмысления и осуществления своей человеческой природы дала множественные всходы — результаты в самых разных сферах, включая сферу цифровых технологий. Как известно, традиционно рост беспризорности связан с социальными кризисами (войны, революции, голод, стихийные бедствия и другие изменения условий жизни, влекущие за собой сиротство, одиночество, безработицу, бомжевание и кочевничество, и т. д.) и дефектами образования, нищетой и разрушающей личност профессиональной и семейной эксплуатацией, конфликтной обстановкой в семьях и асоциальным поведением близких, жестоким обращением или полным игнорированием человека в семье, школе, на работе, насаждением психологии индивидуализма и моральной изоляции личности от интересов общества. В результате жизненные цели людей, детей, подростков, юношей и даже и взрослых могут смещаться в сторону психологического комфорта, получения «сиюминутных удовольствий». Обычная беспризорность влечет за собой весьма тяжелые общественные последствия: рост правонарушений и преступлений, проституции, наркомании, распространение социально значимых заразных заболеваний. Особыми признаками беспризорности являются: полное прекращение связи с семьей, родственниками; проживание в местах, не предназначенных для человеческого жилья; «бомжевание»; добывание средств к жизни способами, не признаваемыми в обществе (попро-

шайничество, воровство); усвоение, подчинение и ретрансляция неформальных «законов» мира улиц (субкультуры — *subterranean culture, underground*) [11; 12; 13]. Количество беспризорных детей и взрослых, одиноких, лишенных семьи, работы и жилья, растет по мере отчуждения, систематического отторжения их обществом. Конечно, цифровые беспризорники не вполне лишены семьи и дома физически, однако психологически их связи с семьей разрушены, забота о доме и чувство дома у них утеряно или отодвинуто на задний план по сравнению с «домом» цифровым, домом цифровых технологий. Особенно явно эта беспризорность проявляет себя там, где человека учат работать с информацией — в сфере обучения [14; 15]. Центральный фокус проблемы — вопросы духовно-нравственного осмысления и наполнения преподавания, включающего активное или пассивное задействование медиатехнологий, а также рост деформаций в системе социальных отношений, связанный со все большим отчуждением людей друг от друга и все большим «сближением» с цифровыми устройствами, выступающими как «квазисубъекты», заменяющие человеку реальных людей и реальную жизнь. В результате мир наполняется не только реальными, но и «цифровыми беспризорниками» [16; 17; 11]. При этом активное включение — целенаправленное обращение к медиатехнологиям — более освоено и «на виду», а проблемы пассивного включения, в том числе стихийного использования медиатехнологий учащимися и обучающимися без рекомендаций педагогов и преподавателей и даже вопреки им осмыслены и изучены меньше и преимущественно в негативном / деструктивном ключе [18; 2; 1; 19]. Очевидно, что данные позволяют не просто интенсифицировать познание человеком себя и мира, но изменить отношения человека и мира, развивать человека как существо, наделенное благодаря медиатехнологиями небывалыми для предыдущих поколений ресурсами. Но вместо такого же небывалого всплеска успеваемости и воспитанности, культурного развития и развития кругозора учеников мы наблюдаем «откат» к предыдущим состояниям почти тотального невежества основной массы населения [6; 9; 10; 20; 21; 22; 23]. На этом пути медиатехнологии становятся не инструментами развития, а инструментами деградации и (само)уничтожения [1; 2; 18; 19].

«Цифровые беспризорники» — новое понятие, которое позволяет раскрыть суть и механизмы происходящего в Интернете и иных медиасетях. Взрослые и дети как цифровые беспризорники ощущают на себе все проблемы жизни обычных беспризорников, начиная с анонии и отчуждения и заканчивая изоляцией и десоциализацией, задержкой развития и ускоренным старением, деструкцией личности [11; 15; 17]. По мере переселения в виртуальный мир, как и у обычных беспризорников, формируется состояние ненужности: именно с ним и нужно работать специалистам, семьям, обществу, государству [14; 15;

16; 17]. В решении проблемы создания и внедрения информационно-цифровой культуры основным является вопрос о создании условий для развития человечества и каждого человека, а не уничтожения или изоляции людей друг от друга или от технологий и технологического прогресса.

Список основных источников

1. Курпатов, А. Складка времени. Сущность и критерии / А. Курпатов. — М. : Трактат, 2016. — 230 с. [Вернуться к статье](#)
2. Люблинский, П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки) / П. И. Люблинский. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1923. — 294 с. [Вернуться к статье](#)
3. Flowers, R. B. Street Kids / R. B. Flowers. — Jefferson, NC : McFarland, 2010. — 244 p. [Вернуться к статье](#)
4. Lynn, R. Dysgenics / R. Lynn. — London : Ulster Institute for Social Research, 2011. — 381 p. [Вернуться к статье](#)
5. Spencer, H. Social Statics: The Man Versus the State / H. Spencer. — N. Y. : Appleton-Century-Crofts, 1896. — 411 p. [Вернуться к статье](#)
6. Bassuk, E. L. America's Youngest Outcasts: 2010 / E. L. Bassuk. — Needham, MA : The National Center on Family Homelessness, 2011. — P. 20. [Вернуться к статье](#)
7. Young, K. S. Caught in the Net / K. S. Young. — N.Y. : John Wiley&Sons, 1998. — 256 p. [Вернуться к статье](#)
8. Gibson, K. Street Kids / K. Gibson. — New York : New York University Press, 2011. — 288 p. [Вернуться к статье](#)
9. Spitzer, M. Digitale Demenz / M. Spitzer. — München : Droemer, 2012. — 340 p. [Вернуться к статье](#)
10. Tapscott, D. Grown Up Digital / D. Tapscott. — McGraw-Hill, 2008. — P. 15–16. [Вернуться к статье](#)
11. Девятова, Е. В. Беспризорность в контексте российской культуры : дис. ... канд. культурологии / Е. В. Девятова. — Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусства, 2009. — 141 с. [Вернуться к статье](#)
12. Willis, H. Profane cultural / H. Willis. — London : Routledge Falmer, 1984. — 212 p. [Вернуться к статье](#)
13. Willis, H. Common Culture / H. Willis. — London : Westview Press, Open University Press, 1990. — 165 p. [Вернуться к статье](#)
14. Арестова, О. Н. Коммуникация в компьютерных сетях / О. Н. Арестова, Л. Н. Бабанин, А. Е. Войскунский // Вестник Москов. ун-та. Сер. 14. Психология. — 1996. — № 4. — С. 14–20. [Вернуться к статье](#)
15. Войскунский, А. Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А. Е. Войскунского. — М. : Академический проект; 2000. — С. 100–131. [Вернуться к статье](#)
16. Вельский, П. Г. Исследование эмоциональной сферы несовершеннолетних, отклоняющихся от нормы в своем поведении / П. Г. Вельский, В. Н. Никольский. — М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1924. — 89 с. [Вернуться к статье](#)
17. Доля, А. А. Личностные особенности непризорных и безнадзорных детей и подростков / А. А. Доля // Ученые записки РГСУ. — 2009. — № 11. — С. 191–194. [Вернуться к статье](#)

18. Ильченко, О. Ю. Новые беспризорные: социологический анализ проблемы на примере Приморского края: дис. ... канд. социол. наук / О. Ю. Ильченко. — Владивосток : Тихоокеан. гос. ун-т, 2009. — 161 с. [Вернуться к статье](#)
19. Слуцкий, Е. Г. Беспризорность в России / Е. Г. Слуцкий // Социс. — 1998. — № 3. — С. 117–119. [Вернуться к статье](#)
20. Стивенсон, С. А. Уличные дети и теневые городские сообщества / С. А. Стивенсон // Социологический журнал. — М. : Институт социологии РАН. — 2000. — № 3–4. — С. 87–97. [Вернуться к статье](#)
21. Beand, K. Internet addiction / K. Beand // Employment Counseling. — 2002. — Vol. 39. — № 1. — P. 2–11. [Вернуться к статье](#)
22. Campen, A. The First Information War: The Story of Communications, Computers, and Intelligence Systems in the Persian Gulf War / A. Campen. — New York : Afcea International Press, 1992. — 195 p. [Вернуться к статье](#)
23. Shapira, N. Psychiatric features of individuals with problematic Internet use / N. Shapira // Journal of Affective Disorders. — 2000. — № 57. — P. 267–272. [Вернуться к статье](#)